

Да и само объяснение не во всем удовлетворяет, поскольку не ясным остается соотношение с другими социально-возрастными институтами<sup>2</sup>. В связи с этим нельзя не отметить и известную нестрогость в применении социальной терминологии (в отличие от категорий, описывающих понятия скотоводческого хозяйства, сразу и однозначно определенных в начале книги), когда без пояснений используются такие многозначные термины как «клан», «племя», «род», и не ясно, в частности, чем клан отличается от рода, что понимается под племенем и вождеством или почему стадийные типы общины выступают как однопорядковые явления. В результате не всегда понятны специфика и соотношение социальных институтов, а некоторые утверждения вызывают недоумение, например, вывод о том, что «семьи и их группы объединяются в линиджи и кланы» (с. 153). Довольно часто в книге упоминаются патриархально-генеалогические связи. Именно так автор называет социально-родственные отношения, подчеркивая их функциональную взаимосвязь с системой возрастных институтов. Но тогда читатель вправе ожидать детального анализа и сопоставления систем родства как с возрастными классами, так и с другими социальными институтами. Однако эта тема почему-то не разрабатывается.

Разумеется, при многообразии затронутых в книге проблем, трудно ожидать, чтобы все они получили исчерпывающее и бесспорное разрешение. Несомненно, продолжаются дискуссии по поводу типологии скотоводческих обществ и классификации скотоводческого хозяйства. Могут возникнуть разные суждения относительно характера социальных отношений и общественной организации традиционных скотоводческих обществ Восточной Африки. Но в любом случае книга послужит существенным толчком к дальнейшим исследованиям.

Монография К. П. Калиновской, несомненно, является серьезным вкладом в изучение не только традиционных обществ Восточной Африки, но и скотоводческих народов в целом, теоретических проблем нomaдизма и пастушества, а также закономерностей седентеризации скотоводов-кочевников.

В заключение следует отметить, что в книге К. П. Калиновской исследуется столь широкий круг сложных и дискуссионных проблем, что рассмотреть их все в краткой рецензии не представляется возможным, в связи с чем хочется порекомендовать читателю самому познакомиться с этой книгой.

В. А. Попов

#### Примечания

<sup>1</sup> Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М., 1976; *её же*. Категория «возраст» в представлениях некоторых народов Восточной Африки // Африканский этнографический сборник. Вып. XII. Л., 1980; *её же*. Циклические и линейные возрастные системы народов Восточной Африки // там же; *её же*. К проблеме возрастных систем // СЭ. 1981. № 6; *её же*. К характеристике социально-возрастного поколения в возрастных системах народов Восточной Африки // Африканский этнографический сборник. Вып. XIII. Л., 1982; и др.

<sup>2</sup> Ср.: Попов В. А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (Вместо ответа оппонентам) // СЭ, 1982, № 1, С. 74—76.

## НАРОДЫ ОКЕАНИИ

**Н. Х и л л а р д. Маорийская девушка. Роман, повесть и рассказы / Пер. с англ. Сост. А. Петриковская; послесл. Л. Володарской. М., 1987. 368 с.**

Выпущенная издательством «Радуга» книга Нозля Хиллиарда — это уже вторая встреча советского читателя с творчеством известного новозеландского прозаика. И можно только посотовать, что встречи эти так редки и запоздалы: от первого перевода рассказов Хиллиарда нас отделяет без малого четверть века, а роман «Маорийская девушка» (гвоздь нынешнего сборника) вышел в свет на родине 27 лет назад. Возможно, в этом и не было бы ничего вопиющего, тем более сейчас, когда в силу особенностей наших дней мы с жадностью открываем в искусстве то, что намеренно прятали от нас десятилетиями. Но известно ведь, что большой временной разрыв в диалоге автора с читателем далеко не всегда проходит без последствий для восприятия художественного произведения. А в случае с Хиллиардом важно учесть и то, что перед нами писатель, тяготеющий к социологизированию, признанный мастер реалистичного психологического письма. Все, о чем он пишет, по обилию точных деталей и достоверных человеческих характеров выказывает в авторе большое знание жизни и позволяет относиться к его произведениям как к надежным документам эпохи. Но именно эта «документальность» прозы Хиллиарда так привязывает ее к определенному времени.

Своих многочисленных героев писатель находит в рабочей и фермерской среде; это всегда люди тяжелого физического труда или представители средних классов. И оказывается, что жизнь новозеландцев — граждан достаточно благополучной страны — густо замешена на проблеме национальных взаимоотношений. Из всех социальных конфликтов внимание автора книги привлекают наиболее серьезные. Нозль Хиллиард множеством граней поворачивает перед читателем классовые и расовые проблемы, показывая, как сложно переплетены они в Новой Зеландии. Взаимодействие «белого» и коренного населения страны, судьбы маори в XX в. — вот основная тема писателя, и вот почему его

творчество не может не привлечь внимания заинтересованных этнографов. Если даже некоторым рассказам, и особенно повести, можно предъявить упрек в известном схематизме сюжета, то этот недостаток оборачивается, с моей точки зрения, и своеобразным достоинством: социальный конфликт тем самым подается максимально выпукло, и у исследователя прибавляется уверенности в том, что автор рисует действительно типическую ситуацию.

Представление о том, что художественная литература с успехом может служить этнографическим источником, — не новость. Но обычно из такой литературы черпается описательный материал, характеризующий разные стороны культуры народа. А в данном случае мы имеем дело с анализом межэтнических отношений — того, что ученые вскрывают, прибегая к методу социологических исследований, пользуясь данными статистики и прочими измерениями, и что писатели в свою очередь делают, опираясь исключительно на интуицию. Произведения Хиллиарда в этом смысле — яркое подтверждение тезиса о том, что искусство есть особый способ познания.

Воссоздаваемая автором картина жизни маори 30—60-х годов XX столетия в главном тождественна тем представлениям, которые отразились в наших научных публикациях<sup>1</sup>. Вместе с тем картина эта выглядит сложнее. В ней высвечиваются и такие грани, которые еще не разрабатывались советскими специалистами. Да, о фактическом неравенстве маорийцев и англоновозеландцев говорили много. Но какие искры высекаются от столкновения двух абсолютно несхожих культур? Что происходит при этом с культурой белых? Только ли потери, только ли горькие обретения «на пути прогресса» — удел коренного населения? При чтении романа становится ясно, как именно вращалось в современную ему социальную структуру поколение, родившееся в 30-е годы. Мы видим городских маори и сельских жителей, тех, что навсегда порвали с древними общинными традициями; мы видим трагедию стариков, хранящих обычаи; поиски старшим поколением пути для выживания своего народа. Драматично выглядит осознание стариками неизбежности и необратимости перемен, огромной разницы, существующей в мировосприятии дедов и внуков. Хиллиард пытается проникнуть в суть того, что делает непохожими жизненные уклады и психологические установки людей двух рас даже тогда, когда они принадлежат к одному социальному слою.

Чрезвычайно интересно это стремление автора (немаорийца) не просто защищать коренное население от дискриминации, что естественно для человека гуманных взглядов и, строго говоря, не требует какой-то особой любви к культуре угнетенных. Ноэль Хиллиард защищает права маори, демонстрируя своеобразие и достоинство их взгляда на жизнь, и недвусмысленно выражая собственные симпатии. По его мнению, деловой расчет и фетишизация выгоды (то, что оплодотворяет идеалы цивилизованных «пакеха») иссушают людей, лишают их отношения человечности. Индивидуализму мира белых часто противопоставляются в книге коллективистская идеология маори и их солидарность.

Образы «аборигенов» при этом ни в малой степени не идеализируются, что вызывает большое доверие к автору: это живые люди, среди них достаточно много неприятных типов. Любопытно, однако, что отрицательные стороны своих антигероев Хиллиард осмысляет как противоречивые важнейшим представлениям древней культуры и даже как несовместимые с ней. Преуспевающий фермер Кепа Сэмюэл, например (в рассказе «Дела идут неплохо»), практически порвал со своей маорийской родней, не поддерживая с ней никаких отношений. Родственники отвернулись от него, поскольку Кепа обобрал родного отца. Круг его общения ограничен белыми, его жена — пакеха, он дружен с мэром города, вхож в уважаемый клуб. При этом Кепа не яхшается с местными маори, потому что они сплошь принадлежат к более низкому социальному слою. Он отказывается защищать в совете права бедных маорийских фермеров, когда те просят его об этом. Наконец, он без сожаления рвет последние нити, связывающие его с обычаями предков: перестает ходить на массовые маорийские праздники, где танцуют и поют. Другой пример — рабочий Ту из повести «Ночь у реки Зеленой». Местный силач, жестокий и темный человек, он постоянно в кровь избивает свою беременную жена-маорийку. Главный герой видит, как Ту наносит женщине удары по голове, и автор пишет: «У Тиуа душа разрывалась на такое смотреть. С детства ему говорили, что у человека нет ничего дороже головы» ... «Дурак!.. неужто не соображает, что женщина, несущая в себе плод, — тапу, и, кто знает, может быть, и на свет она произведет тоже женщину?» (с. 275).

Создавая образы аборигенов, новозеландский писатель стремится показать их, как бы отрезившись от стороннего взгляда представителя иной культуры. Без сомнения, ему помогает в этом богатый опыт общения с людьми (он сменил не одну профессию); помогает работа школьного учителя, который хорошо знает психологию маорийских детей (многие рассказы сборника посвящены именно детям); наконец, немаловажно и то, что Ноэль Хиллиард женат на маорийке.

Знакомство с прозой Хиллиарда, с его знаменитым романом способствовало бы, на мой взгляд, расширению и уточнению наших знаний о том, что собой представляет или представляла до середины 1970-х годов «маорийская проблема» в Новой Зеландии. Дополнительный приток конкретных сведений, содержащихся в рецензируемой книге, невольно высвечивает известную стереотипность бытующих у нас взглядов. Так, например, можно встретиться с оценкой, согласно которой в число нравственных уродств богатого фермера Кепа следует включать и забвение им языка предков<sup>2</sup>. На самом же деле подавляющее большинство маори давно уже англоязычны, и автор «Маорийской девушки», описывая еще довоенную ситуацию, отмечал: «Как и большинство их сородичей в долине Матити, дети Сэмюэлов никогда не учились языку маори... Отец считал так: поскольку жить им суждено в мире пакеха, надо хорошо знать английский, иначе куда им деться от ярлыка „дикарь“». С малых лет дети привыкли думать по-английски» (с. 26). В школе запрещалось произносить маорийские слова, за это наказывали. Героиня романа Нетта, девушка с развѣтым чувством собственного достоинства, стопроцентно ошущающая себя маори, тем не менее бывала задета, если кто-нибудь из белых клиентов кафе, где она работала официанткой, пытался заговорить с ней по-маорийски. «Она

считала, что в подобном отношении сквозит некая снисходительность» (с. 181). Некоторые герои книги уже в зрелом возрасте, сознательно, начинают овладевать родным языком.

Вероятно, именно к стереотипным представлениям следует отнести и такое высказывание о персонажах романа из послесловия книги: «Они видели, что только благодаря цвету кожи их соседи пакеха, такие же бедные фермеры, обретали некоторые преимущества перед ними, и знали, что на отцовской ферме их ждет лишь изнурительный труд и никаких надежд на будущее, пусть даже самых неопределенных, какие есть у их белых сверстников» (с. 364). На самом же деле из текста романа, несмотря на его действительно антирасистский пафос, следует, что пока Нетта Сэмюэл жила в деревне, на ферме родителей, где соседями ее семьи были и пакеха, и маори, она не сталкивалась с дискриминацией и пребывала как бы в полном неведении на этот счет. Скучные местные развлечения: кино ли в поселке, танцы, теннисный клуб, куда ходила Нетта, — объединяли жителей без различия цвета кожи. Этим объясняется тот психологический шок, который испытала юная девушка по приезду в столицу. Веллингтон обрушил на нее грубый бытовой расизм и раскрыл глаза на существование такого рода неравенства, о котором она и не подозревала в прошлом. Безрадостная жизнь на отцовской ферме, стремление детей уехать в город — все это есть в книге, но имеет социальную, а не расовую подоплеку. Кроме того, существуют и личные пристрастия. Живя уже несколько лет в столице, Нетта говорит: «Я бы тоже сбежала от всего этого домой. Но работать на нашей ферме — ну уж нет. На своей — другое дело. А дома у меня какая работа — коров доить, дрова рубить да по углам мести, когда мама болеет. Не могла дожидаться, когда уеду, так все это опустылело» (с. 182). Подруга Нетты, тоже молодая маори, наоборот, мечтает уехать поскорей из города и завести с мужем свое хозяйство, «чтобы никто тебе не докучал, не обзывал ленивым маори» (с. 183). Зато третья девушка, Минни, говорит о столичной жизни: «Еще бы! Очень даже нравится! ... Здесь здорово. Парням плевать, маори ты или кто» (с. 183—184).

Надо сказать, что книга Хиллиарда изобилует такого рода жизненными подробностями. Ощущение правды и достоверности не покидает читателя. Очень интересно, например, все, что касается темы ассимиляции аборигенного населения (рассказ «Все как было») или того, что можно назвать «стыдом за свои корни». Многое, что встает со страниц книги, имеет не только познавательный интерес. Возникают невольные ассоциации с близкими нам предметами: это алкоголизм, культурная деградация определенных слоев, отношения мужчин и женщин, взрослых и детей, сиротство, школьное образование, этнические процессы и этнические конфликты.

Предлагая вниманию этнографов новый сборник произведений новозеландского писателя не могу, однако, не сказать о досадных мелочах. К сожалению, литературный перевод романа и повести выглядит не безупречно, и выражения типа: «рубил хворост», «кладут под проточную воду», «настали друг другу тумачки», «да, хорошие уродились кумара» (последнее со сноской: «новозеландская сладкая картошка») — режут глаз. Или вот как, например, передается радость маорийского фермера при виде цветущего луга: «Не только люцерна с ежей сборной да с паспалумом, еще и многолетники, и райграс итальянский, вон тимофеевка виднеется среди йоркширской отавы». Вызывает сомнение и прием передачи сленга, когда используются русские эквиваленты, имеющие хождение сегодня, но не характерные для 50-х годов.

Несомненно, однако, что такого рода недочеты не умаляют значения выхода в свет книги Ноэля Хиллиарда. Она представляет собой свидетельство зоркого художника. И можно только приветствовать инициативу составителя книги А. Петриковской — большого знатока океанийской литературы.

*И. Ж. Кожановская*

#### *Примечания*

<sup>1</sup> См. Бахта В. М. Аотеароа. М., 1965; *его же*. Маори в современном новозеландском обществе // Австралия и Океания (История и современность). М., 1970; Никитин В. А. Маори в современном новозеландском обществе // Сов. этнография. 1977. № 1.

<sup>2</sup> Рубин В. Послесловие // Хиллиард Н. Клочок земли. М., 1964. С. 141.

## SUMMARIES

### On New Approaches to Theory and Practice of Interethnic Relations

Discussing social mentality in viewing interethnic relations the author claims that national problems are a permanent element of social life requiring adequate response rather than «final solution» often leading to a deadlock.

Social life cannot be constructed in accordance with rigid scientific schemes. Real development implies broad variety of ways and views, so the long-standing idea of «scientific management» of ethnic processes in this country is actually detrimental.

The author criticizes numerous studies of national problems undertaken by Soviet philosophers and Communist Party historians. He appreciates contribution made by ethnographers both to theoretical